

© 2013 г.

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ МИР В АНТИЧНУЮ И СРЕДНЕВЕКОВУЮ ЭПОХИ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИ- КАЦИИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ» (Нижний Новгород, 25–27 сентября 2012 г.)

25–27 сентября 2012 г. на историческом факультете Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Национального исследовательского университета) в рамках традиционных Чтений памяти профессора Николая Петровича Соколова состоялась Международная научная конференция, посвященная теме «Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени». Процессы взаимодействия и взаимовлияния культур в настоящее время привлекают особое внимание всех гуманитарных наук. Поэтому одной из главных задач конференции стало разностороннее освещение общих и конкретно-исторических вопросов межкультурных коммуникаций на материале античной и средневековой истории. Антиковедческая проблематика, включая вопросы классической археологии и рецепции античного наследия в последующие эпохи, была основной в представленных докладах. Наряду с традиционными для Чтений представительными секциями по истории и археологии античного мира, в структуру конференции были включены секции по истории поздней античности и истории искусства. К началу ее работы был издан сборник тезисов и материалов, что дало возможность более предметно обсудить поднятые в докладах проблемы¹. В конференции приняли участие почти 50 ученых из академических институтов и университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Белгорода, Нижнего Новгорода, Саратова, Ярославля, Вологды, Керчи, Харькова и других городов.

На первом пленарном заседании, открывавшем работу конференции, был представлен доклад *А.В. Махлаюка* (Нижний Новгород) «Римская империя как пространство кросс-культурных коммуникаций», в котором получила освещение уникальная комбинация природно-географических, геополитических, административно-политических, коммуникативных и ментально-идеологических факторов, принципиально значимых для понимания характера и содержания тех масштабных культурно-исторических процессов, что разворачивались в рамках мировой римской державы. В частности, были отмечены такие моменты, как: отождествление Римской империи со всей ойкуменой, центром которой считались Рим и Италия; специфический урбанизм и своеобразное римское понимание границ; разделение культурно-исторического пространства на латинский Запад и греческий Восток, формирование двойной греко-римской культурной идентичности.

На двух заседаниях секции по истории Древней Греции были сделаны шесть докладов. В докладе *И.Е. Сурикова* (Москва) «Восточно-средиземноморский мир накануне Греко-персидских войн как система: центры и периферия» был поставлен вопрос о том, что играло роль «центра», а что – роль «периферии» в той «мир-системе», в рамках которой находились эллинские полисы и Ахеменидская держава в эпоху поздней архаики. По мнению автора, греки и до прихода Ахеменидов, и после него воспринимали себя как «периферию» в системе, центр которой находился на Востоке. Персидские же монархи, рассматривая свою державу как «центр», были твердо убеждены в своем законном и полном праве на владычество над всем известным миром, который они воспринимали как свою «периферию». Однако на «волне побед» в Греко-персидских войнах Афины всерьез задалась целью в

¹ Средиземноморский мир в античную и средневековую эпохи: кросс-культурные коммуникации в историческом пространстве и времени. XIII чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова. Материалы Международной научной конференции (Нижний Новгород, 25–27 сентября 2012 г.) / Под ред. А.В. Махлаюка. Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского госуниверситета, 2012. В данном обзоре речь идет только о тех докладах, которые были сделаны непосредственно на конференции; некоторые из них в силу разных причин не вошли в названный сборник.

корне изменить расклад сил в тогдашнем мире, чтобы самим стать новым «центром» средиземноморской «мир-системы», что особенно четко прослеживается со второй четверти V в. до н.э. *С.К. Сизов* (Нижний Новгород) выступил с докладом «Понятие *ὀλιγαρχία ἰσόνομος* у Фукидида (III. 62. 3)», в котором показал, что термином *ὀλιγαρχία ἰσόνομος* афинский историк обозначает политический строй, отличающийся как от демократии, так и от тиранического правления маленькой группы людей (*δυναστεία ὀλίγων ἀνδρῶν*). Понятие «исономия» в афинских источниках неразрывно связано с радикально-демократическими порядками, однако в речи фиванских послов (427 г. до н.э.) «равенство перед законом» предстает как свойство олигархии. Это не означает, что сам Фукидид допускал возможность существования «равноправной олигархии». Вероятно, он хотел показать, что в Беотии, где равными и полными правами обладали лишь зажиточные земельные собственники, слово «исономия» имело иной смысл, чем в Афинах.

В докладе «К вопросу о межэтнических отношениях на Кипре в V в. до н.э.» *В.В. Антонов* (Нижний Новгород) показал, что широко распространенное, особенно в немецкой историографии, мнение о жестком противостоянии греков и персидски настроенных финикийцев на Кипре в классическую эпоху не находит однозначного подтверждения в источниках. Анализ письменной традиции и данных археологии свидетельствует о мирном сосуществовании и культурном взаимодействии разных этнических групп на Кипре, что не исключало эпизодических конфликтных ситуаций. Источники по этнической истории Кипра в эпоху классики очень скудны и допускают противоречивые интерпретации, поэтому неудивительно, что традиционная в европейской культуре антитеза Восток–Запад, а отчасти и расистские теории могли повлиять на европейских антиковедов XIX–XX вв. *В.М. Строгоцкий* (Нижний Новгород) в докладе «Свидетельства о Троянской войне в “Археологии” Фукидида: интерпретация текста» рассмотрел вопрос о возможных источниках, которыми мог пользоваться афинский историк в пассажах, посвященных Троянской войне (Thuc. I. 9–11), и показал, что он в отличие от Геродота стремился дать рационалистическое объяснение возникновению Троянской войны.

В докладе *А.Н. Горюжановой* (Нижний Новгород) «Политические структуры Ликии V–IV вв. до н.э. (проблема ассимиляции инокультурных компонентов в автохтонной среде)» было отмечено, что интенсивный культурно-политический диалог оказал существенное влияние на социально-политическое развитие Юго-Западной Анатолии, во многом обусловив специфику ликийского общества и государственности. Со времени персидского завоевания в Ликии устанавливается весьма специфическая политическая модель (династическая система), сочетавшая элементы, характерные как для персидской, так и для греческой традиции. Наиболее влиятельными были два политических центра, Лимира и Ксанф, управлявшиеся представителями местной знати – династами, чья власть носила родовой характер и передавалась по наследству. *Н.Ю. Сивкина* (Нижний Новгород) в докладе «Интеграционные аспекты македонской политики» рассмотрела такие вопросы, как градостроительная политика македонских царей в IV–III вв. до н.э., иноземные влияния на придворную жизнь Македонии и отношения македонян и греков в рамках Эллинских лиг 338 и 224 гг. до н.э. В результате она пришла к заключению, что македонские правители сознательно заимствовали иноземные элементы в политической, социальной и культурной сферах, а эллинизация македонского общества была результатом прагматической политики царей.

Восемь докладов, представленных на секции по истории Древнего Рима, были посвящены разнообразным сюжетам и проблемам. *В.А. Квашинин* (Вологда) в докладе «Пифагор и Алкивиад на римском Форуме: римские идеологемы IV–II вв. до н.э. в контексте средиземноморского культурного койне» рассмотрел причины появления и семантику статуй Пифагора и Алкивиада, воздвигнутых на Форуме в период Самнитских войн. Эти персонажи явно оказались востребованными в политических реалиях Великой Греции конца IV в. до н.э., что позволяет объяснить актуальность их образов и для Рима в контексте как внешнеполитических условий того времени, так и римской культурной традиции, хотя установка статуй Пифагора и Алкивиада произошла под влиянием греческих политико-идеологических моделей. Доклад *А.М. Сморчкова* (Москва) «Римская религия и греческое влияние в годы Ганнибаловой войны» был посвящен заимствованиям из греческой культовой практики и новым способам общения с богами, появившимся в Риме в конце III в. до н.э. По мысли автора, в этот период сплочение вокруг старинных ценностей шло рука об руку с введением необходимых новшеств под надзором органов власти и, несмотря на серьезные потрясения, римская религия в полной мере проявила свое охранительно-консервативное значение, выступив в качестве фактора, сплачивавшего народ и поднимавшего его моральный дух. Общественно признанная сакральная практика сумела оказать противодействие разброду и шатанию в умах сограждан, и правящей верхушке удалось удержать идеологические процессы в рамках существующей системы, которая хотя и подверглась некоторым изменениям, но относительно небольшим, если учесть масштабы разразившегося военно-политического кризиса.

В.В. Дементьева (Ярославль) представила доклад «Мобильность населения Италии, кросс-культурное взаимодействие и политическая интеграция в эпоху Римской республики: актуализация проблематики в современном антиковедении». Она сосредоточила внимание на тех новейших концепциях в изучении миграционных и демографических процессов, межкультурных взаимоотношений, интеграции и сохранения локальных идентичностей на территории Италии в республиканское время, которые нашли отражение в работах Ф. Пина Поло и В. Шайделя. Пина Поло подчеркивает огромную мобильность населения Италии и отмечает, что она создавала значительный культурный обмен, но не порождала культурную гомогенность и не приводила к исчезновению региональных и локальных идентичностей, как и к политической интеграции. Шайдель же, предлагая «демографический каркас» для изучения интеграционных процессов в Италии, анализирует факторы реальной интеграции, называя таковым, в первую очередь, военную службу. Тема доклада *К.В. Маркова* (Нижний Новгород) – «*Aelius Aristides. Or. XXVI: “похвала” Риму?*». По его мнению, в ряде пассажей известной речи Элия Аристиды («*Εἰς Ῥώμην*»), которая еще не так давно рассматривалась исследователями как воплощение подобострастной лояльности грекоязычной провинциальной элиты к Риму, обнаруживаются моменты, свидетельствующие о сдержанном (и даже отчужденном) отношении этого ритора к римской державе. В частности, на такое отношение может указывать использование Аристидом ряда цитат из Гомера и Гесиода, которые, вероятно, позволяли уйти от прямой оценки власти императора и «соблюсти приличия», а также та ирония, что обнаруживается в противопоставлении «деспотизму» и «тирании» персидских правителей «равенства» и «свободы» римской державы, которая в одном пассаже сравнивается с «полной демократией прошлого», а в другом именуется «вселенской демократией».

А.Е. Негин (Нижний Новгород) в докладе «Сфероконические шлемы в римской армии эпохи Антонинов: взаимовлияние оружейных традиций Средиземноморья» рассмотрел нетипичные для римской военной моды первых веков нашей эры образцы боевых наголовий, которые обнаружены преимущественно на территориях, прилегающих к дунайскому лимесу. Наличие на многих из этих шлемов богатого декора в стиле «парадного вооружения» и некоторые другие детали позволяют заключить, что для обычного пехотинца, служившего во вспомогательных частях, эти предметы были слишком дорогими и, скорее всего, использовались воинами вспомогательной сарматской кавалерии. По предположению автора, данная модификация шлемов появилась на определенной территории под влиянием каких-то сугубо местных традиций, хотя не исключено влияние со стороны пока не известных нам синхронных восточных образцов, привнесенных сирийскими лучниками. В своем сообщении «Римское восприятие египетской религии: между предубеждением и почитанием» *М.С. Чисталёв* (Нижний Новгород) выделил две противоположные позиции в отношении римлян к религии Египта: с одной стороны, она рассматривалась римлянами как исключительно древняя, отличавшаяся особой мудростью жречества, блистательной роскошью храмов и церемониала, а с другой – как совокупность нелепых суеверий, вызывавших в большинстве случаев отвращение и насмешки. Образ Египта и египтян, распространенный в римском обществе I в. до н.э. – I в. н.э., во многом отражал имперский подход к восприятию Востока: «варварство» египтян оправдывало контроль со стороны Рима над территорией Египта.

Е.В. Смыков (Саратов) в докладе «Кв. Лабиен Парфянский, император» предложил варианты интерпретации монеты, отчеканенной Лабиеном, обратив внимание на необычное для римских монет изображение низкорослого коня без всадника, которое могло относиться к митраистской символике. По заключению автора, принимая прозвище «Парфянский», Лабиен, возможно, не столько бросал вызов римской традиции, сколько актуализировал перед лицом народов Востока политическое наследие Помпея. Императорскую же аккламацию Лабиена можно связать с победой над войсками, находившимися под верховным командованием Марка Антония, который к тому времени уже связал свою судьбу с Клеопатрой. Поэтому данная победа выглядела как победа не просто над соотечественниками, а над соотечественниками, находившимися в союзе с убийцами Помпея. Все это может означать, что Лабиен делал ставку не столько на бывших воинов Брута и Кассия, сколько на старую клиентелу Помпея, рассчитывая поднять против триумвиров помпеянский Восток. Предметом доклада *Р.В. Латырёнка* (Саратов) «*Viasii vici in земельном законе 111 г. до н.э.*» стала проблема исторической интерпретации строк 11–13 земельного закона 111 г. до н.э., в которых содержатся сведения о группе населения, обозначаемой в современной литературе как *viasiei vicianeive*. По мнению автора, основание новых и восстановление старых поселений *viasiei vicianeive* являлось прерогативой аграрной комиссии Гая Гракха. С помощью дорожного строительства последний намеревался восполнить недостаток земельных ресурсов, который стал следствием передачи консулам судебной функции.

Первое из двух заседаний секции «История и археология Причерноморья», наиболее представительной на конференции, открыл доклад *Е.А. Молева* (Нижний Новгород) «О причинах особенностей боспорской государственности». Образование Боспорского территориального (надполисного) государ-

ства, по мнению докладчика, явилось результатом действия четырех основных факторов, а именно: 1) участия пантикапейцев в колонизации, по крайней мере, ближайших к нему территорий и стремления сохранить их в составе своей хоры; 2) более быстрого экономического развития Пантикапея в сравнении с другими полисами Боспора; 3) тиранического характера власти его правителей, переросшей уже при Спартокидах в наследственную монархию; 4) включения в состав государства варварских племен Азиатского Боспора. *Н.В. Завойкина* (Москва) в докладе «О “варварах” в боспорских городах в первой половине III в. н.э.» на основе эпиграфических данных рассмотрела пути инфильтрации и механизмы адаптации варваров в греческом городе на примере карьеры одного из «новых боспоритов», выходца из иранской среды, — Хофразма, сына Фаргобака, занимавшего ряд городских и жреческих должностей в Танаисе. Его *cursus honorum* отражает важные социально-политические изменения античного мира накануне готских войн, одним из которых стало размывание гражданского коллектива в греческих городах и включение в состав демоса выходцев из варварского эллинизированного населения. В докладе *А.А. Масленникова* (Москва) «Труд и быт боспорского поселянина (к постановке проблемы)» были выделены и охарактеризованы факторы, влиявшие на повседневную жизнь сельского населения Боспора: природно-географические и климатические, антропогенные или историко-социальные, в том числе внутренняя организация сельских общин, этнокультурные, гендерно(поло)-возрастная, семейно-родственная и антропологическая характеристики обитателей боспорской «хоры», основные виды хозяйственной деятельности, а также предметно-бытовая сторона частной и общественной жизни, некоторые черты ментальности боспорского поселянина.

Е.А. Акимова (Нижний Новгород) представила доклад «Об особенностях культа Ахилла в античных государствах Северного Причерноморья: к вопросу о межэтнических и кросс-культурных контактах», в котором, отвергнув мнения о местной (фракийской или скифской) основе культа и о его чисто греческом происхождении, аргументировала тезис о том, что эллинский по своему происхождению и характеру культ Ахилла мог ассоциироваться у варварского населения с соответствующими местными божествами и имел определенные отличия от греческого варианта, так как на значительной территории северопонтийского региона Ахилл почитался как божество с преобладанием хтонических и морских функций. Тема доклада *Н.В. Молевой* (Нижний Новгород) — «Происхождение боспорских антропоморфных изваяний в контексте межэтнических и кросс-культурных контактов средиземноморского мира». С точки зрения автора, истоки этих памятников, которые представляли собой вариант наиболее распространенных греческих надгробий — герм и статуй-полуфигур, очевидно, восходят к антропоморфным изваяниям Греции и Малой Азии. Благодаря активным коммуникациям в области торговли, политики, культуры и религии процесс появления и распространения антропоморфных изваяний античного типа в северопричерноморских греческих центрах шел почти синхронно с метрополией. Широкое распространение антропоморфов в боспорском погребальном обряде объясняется контактами с варварским (особенно скифским) миром и проникновением местного населения в города.

Доклад *М.Ю. Вахтиной* и *П.Г. Столяренко* (Санкт-Петербург, Керчь) «Эллинистический некрополь Порфмия (предварительные итоги исследования)» был посвящен результатам раскопок, проводимых Порфмийским отрядом Боспорской археологической экспедиции ИИМК РАН (с 2009 г. — совместная Российско-Украинская экспедиция ИИМК РАН и ИА НАНУ) на участке некрополя к западу от городища. Почти все открытые здесь захоронения соотносятся с последним периодом существования городища, датируемым в пределах III — первой половины I в. до н.э., и подразделяются на три типа: погребения в грунтовых ямах, плитовые могилы в виде ям, обложенных небольшими известняковыми плитами, и склепы, сложенные из крупных, грубо отесанных известняковых плит. Погребальный инвентарь позволяет сделать вывод об относительном «богатстве» погребений в склепах по сравнению с теми, которые совершались в простых грунтовых ямах. В докладе «Эллинистические склепы на юго-западном участке некрополя Китея» *В.А. Хрищановский* (Санкт-Петербург) изложил результаты исследования открытых в 1993–2000 годах трех больших склепов. Постепенное накопление эллинистического материала и открытие в непосредственной близости четвертого склепа, совершенно иной конструкции, датируемого по преобладавшему в нем материалу III–IV вв. н.э., позволили с достаточно большой степенью вероятности датировать эти памятники последней четвертью IV — началом III в. до н.э. Сооружение таких огромных склепов из блоков и плит известняка, перекрытых полуциркульными сводами, в двухстах метрах от западной крепостной стены Китея в раннеэллинистическое время ставит, по мнению докладчика, чрезвычайно важный и интересный вопрос о социальной и этнокультурной принадлежности тех, для кого они предназначались.

В докладе *Н.В. Кузиной* (Нижний Новгород) «Терракоты из сельского святилища в крымском Приазовье (раскопки 2010 г.)» были рассмотрены материалы раскопок небольшого античного святилища на поселении Полянка и даны анализ и датировка комплекса терракот. С докладом «Боспорские прокесии и проблема государственного устройства державы ранних Спартокидов» выступил *Д.В. Грибанов* (Харьков). По мнению докладчика, исследователи упускают из вида одну возможную трактовку выражения

«весь Боспор», основанную на сопоставлении боспорских проксений с греческой правовой практикой IV–III вв. до н.э., в которой известно немало примеров, когда проксении издавались не полисами, а надполисными объединениями — так называемыми федеративными государствами. Сравнение боспорских проксений IV в. до н.э. с аналогичными декретами греческих федеративных государств позволяет взглянуть на проблему государственного устройства раннеспартокидовского Боспора с точки зрения его аналогии с федеративными образованиями Греции классической эпохи (Беотийский или Аркадский союзы) либо с полуфедеративными государствами севера Балканского полуострова (Македония и Эпир).

На секции по истории поздней античности были представлены пять докладов. *А.М. Болгова* и *О.Н. Елисеева* (Белгород) в докладе «Законодательство Юлиана о школах и его идеология» высказали мнение, что намерения императора не сводились к простому запрету учителям-христианам работать в школах. Школьная реформа Юлиана была важной частью его политической модели: если империя подлежит реставрации, то нужно реставрировать и школу, угрозу которой, по мнению Юлиана, представляло христианское неверие в развивающееся естественное мироустройство. Акцент на культурное обновление, а не на религиозные гонения позволяет дать школьной реформе Юлиана более адекватное объяснение. Центром внимания доклада *А.Д. Пантелеева* (Санкт-Петербург) «Толпа и мученик: христиане и язычники в мученичествах II–III вв. (по данным христианских авторов)» были сообщения раннехристианских текстов II – середины III в. о реакции толпы на казни христиан в сопоставлении с описанием поведения «народных масс» в античной историографии. Во многих текстах можно заметить если не полное сочувствие зрителей мученикам, то некоторое сопереживание. Конечно, в большинстве случаев читателями мученичеств оказывались христиане, и авторы этих сочинений таким образом призывали единоверцев не бояться кричащей толпы и не смущаться ее оскорблениями. Если же эти описания мученичеств попадали в руки язычников, то они должны были привести их к мысли о том, что такие казни христиан оказываются важным фактором в привлечении новых верующих и лучше вовсе их не казнить?

В докладе «Бани Зевксиппа в Константинополе и “Экфрасис” Христофора Коптского» *Н.Н. Болгов* (Белгород) рассмотрел взгляды византийцев на собственнo античные памятники и пришел к выводу, что в Константинополе начала VI в. в «массовой культуре», связанной с посещением бань, нашли свое место многие персонажи классической мифологии и истории, прежде всего греческой, что вносит некоторые коррективы в репрезентацию Константинополя как Нового Рима и христианской столицы. Тема доклада *И.Ю. Ващевай* (Нижний Новгород) – «Отражение процессов кросс-культурной коммуникации в “Церковных историях” поздней античности». Памятники христианской историографии IV–VII вв., созданные на греческом, латинском, сирийском, армянском и коптском языках, были представлены в нем как уникальный феномен, отражающий сложные коммуникативные процессы в средиземноморском мире данной эпохи, которые были связаны с дифференциацией «своего» и «чужого», переоценкой старых и выработкой новых смыслов, формированием новой культурной идентичности. *Е.А. Семичева* (Белгород) в докладе «Образ Другого в культуре поздней античности: к постановке проблемы» охарактеризовала ряд методологически значимых исследовательских подходов к определению базовых параметров понимания «другого» в позднеантичном обществе, а именно: обозначения доминирующих аспектов отчуждения при конструировании образа Другого; выявления содержания и смысла различных видов понятия «Другой», репрезентируемого в соответствующих культурных формах; сопоставления характера идентификации и локализации «других» в древнехристианской и позднеантичной исторической традиции.

В нескольких докладах, прозвучавших на заседаниях секции по истории искусства, были затронуты сюжеты, связанные с античностью. *Н.А. Налимова* (Москва) в докладе «Особенности архитектуры героона Перикла в Лимире: локальные традиции и “классические” влияния» представила анализ открытого в 1970-е годы немецкими археологами монумента, который принадлежит тому же ряду наиболее значительных погребальных сооружений Ликии, что и Памятник Нерейд в Ксанфе и героон Гюльбаша в Трисе. Его скульптурный декор и сама архитектура причудливым образом соединяют анатолийские, персидские и греческие элементы в оригинальное целое, что позволяет лучше понять специфику культуры ликийцев, впитавшей в себя элементы западной и ближневосточной культур и вместе с тем обладавшей выраженным локальным своеобразием. *М.Г. Балонova* (Нижний Новгород) в докладе «Мотивы античной мифологии в творчестве Поля Дельво» выделила три группы произведений французского художника-сюрреалиста, в которых используются мифологические мотивы и образы. Одни работы обращены к античности только своими названиями, другие сохраняют сюжетную основу античного мифа, но в авторской интерпретации или же в парадоксальной трактовке, третьи обращены к образам античной мифологии опосредованно (за счет аллюзий на античную скульптуру прежде всего). В целом же обращение к прецедентным текстам культуры и искусства, связанным с античностью, вскрывает архетипические корни картины мира Поля Дельво, восходящие к матриархату с его представлениями о могущественной и грозной силе Матери-земли.

В докладе *Е.А. Ефимовой* (Москва) «Один мотив в средиземноморской декоративной традиции: гротески» была прослежена историческая эволюция гротесков от момента зарождения в древнерим-

ском искусстве до XVIII в., при этом особое внимание было уделено памятникам эпохи Ренессанса, а также проблемам семантики ренессансного гротескового декора и соединению в нем античных и средневековых традиций. *А.Н. Донин* (Нижний Новгород) в докладе «Подвиг Марка Курция в немецком искусстве эпохи Возрождения» отметил, что причинами популярности этого сюжета у немецких художников (таких, как М. Вольгемут, Л. Кранах, А. Альддорфер, В. Губер, Л. Рефингер и Г. Бальдунг Грин) были интерес к выдающимся личностям Древнего Рима, воинственный дух германцев, чувство духовной преемственности по отношению к римлянам, отождествление подвига с христианскими добродетелями, внимание к природе.

Из выступлений, прозвучавших на секции по истории Средних веков, вопросы рецепции античного наследия были затронуты в докладе *А.Н. Маслова* (Нижний Новгород) «Происки Паламеда, речи Агамемнона: к интерпретации темы отстранения от власти в средневековых рассказах о Троянской войне». Автор, обратившись к вопросу о том, какими дополнительными нюансами были обогащены небольшие эпизоды из «Истории о разрушении Трои», приписанной Дарету Фригийскому в ее средневековых парафразах XII–XIII вв., пришел к выводу, что принципиальная взаимосвязь вопроса о военном лидерстве с темой хорошего и дурного правления между Паламедом и Агамемноном в рамках средневековой традиции. В случае с «Романом о Трое» Бенуа де Сен-Мора важную роль играет и само акцентирование двумя героями необходимости соблюдать согласие в войске. Возможно, французский поэт, в отличие от Дарета Фригийского, исходил из желания обыграть не только воинские таланты и «организаторские способности» греческих вождей, но и их навыки в разрешении спорных ситуаций.

В рамках Чтений была организована открытая лекция о современных проблемах изучения архаической Греции доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН И.Е. Сурикова, которая вызвала большой интерес у участников конференции и студентов исторического факультета ННГУ.

Все гости и участники конференции отметили высокий научный и организационный ее уровень и плодотворность дискуссий. На протяжении уже почти четверти века Научные чтения памяти профессора Николая Петровича Соколова успешно служат развитию исторической науки в Нижнем Новгороде и в России в целом.

А.В. Махлаук

© 2013 г.

XIV ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (31 октября – 2 ноября 2012 г.)

31 октября – 2 ноября 2012 г. на историческом факультете Санкт-Петербургского университета состоялись XIV Жебелёвские чтения, организованные кафедрой истории древней Греции и Рима и Центром антиковедения СПбГУ. В конференции, которая ежегодно собирает антиковедов со всей России, приняли участие ученые из Санкт-Петербурга, Москвы, Архангельска, Астрахани, Великого Новгорода, Казани, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Саратова, Перми, Петрозаводска, Самары, Твери, Тобольска, Челябинска. За три дня работы конференции ее участники представили и обсудили 64 доклада. В рамках конференции, кроме двух пленарных заседаний, проходила работа шести секций: истории древней Греции, истории эллинизма, истории Рима, истории культуры античного мира, источниковедения и историографии античной истории, истории античного христианства.

Конференция открылась 31 октября 2012 г. вступительным словом заведующего кафедрой истории древней Греции и Рима, профессора *Э.Д. Фролова* «Гуманизм, классицизм, антиковедение – духовная триада, служившая основанием европейской цивилизации нового времени». Докладчик подчеркнул глубокую связь науки об античности с культурой классицизма, которая, в свою очередь, с давних пор опиралась на историко-филологическую греко-римскую традицию.

На первом пленарном заседании были прочитаны четыре доклада. *В.М. Строецкий* (Нижний Новгород) выступил с докладом «“Археология” Фукидида и отражение в ней древнейшего прошлого Эллады. Интерпретация текста». Автор доклада проанализировал обращение Фукидида в первой части «Археологии» (I. 2–9) к ранней истории Греции, в частности к вопросу о том, какой образ жизни